

Хотя все в семье считали старшего брата Сюй Мо самым умным, Чан Янь несколько раз удивлял их, предлагая неплохие идеи.

Постепенно братья стали обращать все больше внимания на этого, казалось бы, немногословного пятого брата, не обладавшего никакими особыми способностями.

«Такие люди, как Панг Дашань, могут выглядеть очень плохо, но у них есть одна общая черта - они колышутся на ветру», - сказал Чан Янь и медленно добавил: «Правительственные чиновники очень влиятельны, поэтому он помогает им иметь дело с нами. Если мы сможем дать ему больше, он тоже станет нашим помощником».

Даже если это предложение Пань Дашаня было новым планом чиновников, если они смогут дать Пань Дашаню больше выгоды, он перейдет на их сторону.

Чан Янь взглянул на Цзян Шэн и похвалил ее: «Ты очень хорошо справилась дав ему тангхулу».

Завоевывать сердца людей всегда приходилось с помощью таких маленьких хитростей.

Маленький рот Цзян Шэн открылся от удивления. В тот момент она даже не задумывалась об этом. Это был лишь мимолетный момент сострадания.

«Что же нам теперь делать?» с тревогой спросил Чжэн Руцянь.

Очевидно, он принял все близко к сердцу.

Уголки рта Чан Яня слегка приподнялись. Он произнес всего три слова: «Новый год наступил».

В Новый год в каждом доме убивают свиней и кур, покупают цветочные ткани и новую одежду, жарят пельмени и тушат выпечку.

Но у нищих нет ничего.

Чжэн Руцянь вдруг все понял и стал размышлять, что можно дать.

Чан Янь вовремя добавил: «Не давайте без условий, чтобы не подпитать их жадность».

В общем, все было не так просто.

Нужно было использовать подарки, чтобы завоевать Панг Дашаня, но нельзя было дарить их

слишком открыто. Подобные зловещие маневры было нелегко понять тем, кто не был постоянно погружен в них.

Сюй Мо не мог удержаться от любопытства по поводу происхождения их пятого младшего брата.

Вернувшись в полуразрушенный храм.

Все принялись за работу.

Нужно было нарезать редис и смешать его с кляром, чтобы пожарить пельмени, приготовить овощи, которые они любили жарить, и сварить рисовую кашу, чтобы нанести на дверь благоприятные символы.

Хотя Сюй Мо уже умел готовить, у него все еще не было большого опыта работы на кухне. Его пельмени разваливались на куски, а овощи были жирными.

Цзян Шэн утешила его: «Старший брат, мне просто нравится еда с большим количеством масла. Больше масла и супа - это хорошо, обычно мы не можем есть жирную пищу».

Сюй Мо лишь криво усмехнулся.

Столько лет читая книги мудрецов и не находя в них ничего сложного, он и подумать не мог, что однажды окажется в тупике из-за такой обыденной кулинарии.

К счастью, в тот день Чжан Ци принес им большую кастрюлю пельменей и овощей, а также кусок говядины, что разрешило их затруднения.

Не получившиеся пельмени и овощи тоже не пропали даром, их можно было упаковать и отдать Панг Дашань.

Чтобы все выглядело естественно, Чжэн Руцянь специально отколол кусок битой плитки от полуразрушенного храма, а затем пошел искать Пань Дашаня и попросил его помочь заменить ее на новую.

Пань Дашань охотно согласился.

Ему было уже семнадцать или восемнадцать лет, он был высоким и крупным. Стоя на табурете, он легко доставал до плитки, это не составляло труда.

Если посмотреть на нескольких детей в полуразрушенном храме, то самый высокий, Сюй Мо, доставал ему только до подбородка. Панг Дэшань вдруг ощутил странное чувство высокомерия и гордости.

«Ух ты, брат Дэшань такой удивительный!»

Когда Цзян Шэн захлопала в ладоши и закричала у ворот разрушенного храма, это высокомерие и гордость достигли своего пика.

Пан Дэшань спрыгнул с табурета: «Это всего лишь мелочь».

Цзян Шэн улыбнулся и достал пельмени и овощи. Некоторые из них развалились на кусочки, а некоторые остались целыми. «Сегодня Новый год, нам нечем угостить брата Дэшаня, так что вот вам пельмени и овощи».

Панг Дэшань был ошеломлен.

Он был нищим, но в отличие от Цзян Шэна, который бродяжничала с тех пор, как она себя помнила, его в юности приютила добрая семья. В то время у него была новая одежда, которую он надевал каждый Новый год, и жареные пельмени и овощи.

Но позже его приемные родители случайно погибли, и он снова стал нежеланным диким ребенком, над которым издевались дяди и старшие, и у него постепенно развился свирепый нрав.

Чтобы выжить, он долгое время воровал, грабил и разбойничал.

Цзян Шэн была первой, кто проявил инициативу и дал ему что-то.

Сначала это были три тангхулу, а теперь - пельмени и овощи.

Пан Дэшань нерешительно протянул обмороженные руки, чтобы взять их.

На лице Цзян Шэн по-прежнему сияла невинная улыбка. Она резвилась у ворот полуразрушенного храма, иногда подтаскивая Вэнь Чжиюня или Чан Яня, двух тихих старших братьев, чтобы они больше двигались.

Сюй Мо готовил, Чжэн Жуцянь резал овощи, а Фан Хэн занимался боевыми искусствами.

С такими живыми людьми этот разрушенный и маленький храм больше не казался мрачным.

Появилось необъяснимое чувство уюта.

Панг Дэшань ушел в оцепенении.

Убедившись, что он ушел далеко, Цзян Шэн перестала притворно смеяться и обратилась к Чан Яню: «Пятый брат, может ли это тронуть Пань Дашаня и заставить его пойти против чиновников ради нас?»

Чан Янь глубокомысленно заметил: «Сможет».

Чем беднее был нищий, тем больше он жаждал тепла и тем неохотнее это тепло уничтожали.

Канун Нового года.

Цзян Шэн и ее братья не отходили от маленькой печки, внутри которой кипел горячий костный суп, брали мясо, если хотели мяса, овощи, если хотели овощей, половником наливали суп, если хотели супа.

Нищая Цзян Шэн и представить себе не могла, что будет жить такой жизнью. Несколько раз она поднимала глаза на Будду, боясь, что если закроет глаза, то проснется и поймет, что все это было лишь фантазией.

Но пока воздух не наполнился звуками взрывов петард, сцена перед глазами оставалась реальной и ясной.

Чжэн Жуцянь подхватил Цзян Шэна: «Я слышал, что мастер Ниу в городе потратил целое состояние, чтобы купить партию фейерверков в уезде Аньшуй. Пойдемте посмотрим на них, они скоро закончатся!»

Не только они, но и большинство жителей деревни Шили Пу стояли у своих дверей, с тоской глядя на эти невиданные фейерверки, эти странные звуки, эти великолепные огни.

«Никогда не думал, что фейерверки, столь распространенные в Фэнцзине, станут редким зрелищем в этом маленьком городке», - пробормотал Чан Янь.

Фан Хэн вдруг повернул голову: «Что ты сказал, пятый брат?»

«Ничего», - слегка улыбнулся Чан Янь. «Давайте посмотрим фейерверк».

Шестеро детей, одетых в новые хлопчатобумажные куртки, стояли плечом к плечу у ворот

полуразрушенного храма и смотрели вверх.

К сожалению, средства мастера Ниу были ограничены, и фейерверк длился всего несколько десятков вдохов, после чего исчез.

Чжэн Жуцянь щелкнул языком: «Если бы я был богат, я бы запускал их на полчаса».

«Запускай их весь день, с утра до вечера», - сказала Цзян Шэн, сжимая кулаки.

Сюй Мо любезно напомнил ей: «При дневном свете фейерверки не видны».

Цзян Шэн была ошарашена.

Чжэн Жуцянь закричала и громко рассмеялась, не сдерживаясь. Сюй Мо и Фан Хэн тоже захихикали. Даже Вэнь Чжиюнь прикрыл рот рукой.

Полуразрушенный храм был наполнен смехом и болтовней.

Было больно нарушать его.

Панг Дашань долго прятался за деревом, долго колебался, прежде чем наконец вышел.

«О, брат Дэшань, ты пришел!» Цзян Шэн тепло поприветствовал его. «Ты уже поел? Хочешь поужинать с нами в канун Нового года?»

В этот момент Панг Дашань тоже не мог понять, что он думает, и только кивнул головой: «Хорошо».

В углу Чан Янь поджал губы и потянул Сюй Мо за рукав.

В полуразрушенном храме все еще слышался смех, но те, кто должен был проявлять бдительность, уже подняли тревогу.

<http://tl.rulate.ru/book/104294/4045799>